

# P R O C B E T

Дочь и мать:  
Аriadна Эфрон  
и Марина Цветаева



Созвездие  
Людмила Касаткина



Елена Камбурова



Елена Образцова



Мария Кабалевская  
вспоминает о родителях



Милосердие



? ТЕБЕ ЛЕГКО - КАКОЕ СЧАСТЬЕ

## *Andantino*

Handwritten musical score for voice and piano. The score consists of eight staves of music, with lyrics written in Russian below the vocal line. The vocal line starts with a forte dynamic and includes slurs and grace notes. The piano accompaniment features sustained chords and rhythmic patterns. The lyrics describe a deep, bottomless love.

сн-ла  
у э-тих о-немевших губ. Тебе легко-ты разло-

-бн-ла, мне ти-ни-но-ы ог-но-льб.

ten.

Più mosso Agitato

до нас и кому на-ко-е ге- но,

ff f marc.

всех своих довольно гел. Тебе лег-ко- ти погре-

2. f. (sost) mp  
 -не-на, мне груже- и подгруже...

dim. dim. mp expr.  
 poco rit. Tempo I° pp  
 y-me nu -

pp ten.

-кто помог не властен, спутник мой, как серый флаг, Тебе лег-

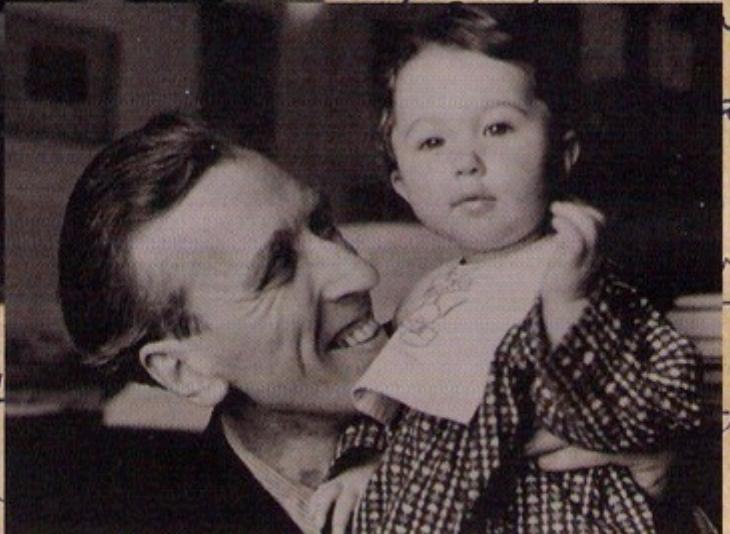
-стенuto poco p. pp  
 -ко-какое страже! Мне груже- как пустяк...

f pp 26-III-35

*A. Nataleket*

.. . . . .  
Касиолофф

Родил сюзь Кашинка! Только уж  
однажды ишлось. Эт, бывало бы, как ув-  
рукаши, — бы ли же  
бы поддерживалась г



Что ж это си-  
гните зу ву,  
ческо знают. И с очень сконф



Цветы М.Д. Кабалевской вручает  
академик РАО М.Н. Берулава

Мария Дмитриевна Кабалевская, дочь Дмитрия Борисовича Кабалевского (1904 – 1987), выдающегося советского, русского композитора, известного педагога, просветителя и общественного деятеля. М.Д. Кабалевская, директор Музикального культурно-образовательного Центра имени Д.Б. Кабалевского, главный редактор журнала «Учитель музыки», много делает для сохранения творческого наследия отца. В 2010 году она была гостьей нашего круглого стола «СМИ – добро или зло?», а сейчас любезно предоставила редакции уникальные воспоминания, фотографии, письма, нотные автографы композитора из семейного архива.

## МАРИЯ КАБАЛЕВСКАЯ ВСПОМИНАЕТ: «И СТОЛЬКО БЕЗДОННОЙ ЛЮБВИ...»

...Уже никто помочь не властен:  
Спустилась ночь, как серый флаг.  
Тебе легко – какое счастье,  
Мне тяжело – какой пустяк... –

эти строчки из последнего сочинения Дмитрия Борисовича Кабалевского под названием “Семь песен о любви” на слова Евгения Долматовского (соч. 103) можно назвать эпиграфом к тем неполным пятидесяти годам, на протяжении которых были женаты мои родители.

Познакомились они, если так можно выразиться, “впервые”, когда маме было десять лет, а папе – восемнадцать. В тот год маму приняли в первый класс музыкальной школы, в класс педагога Веры Викторовны Чертовой, а папа в тот же год эту школу заканчивал. У нас дома есть больше десятка программ концертов учащихся 5-го Государственного музыкального техникума (бывшей школы В.А. Селиванова) за 1921 – 1923 годы, в которых Ляля Чегодаева<sup>1</sup>, как одна из самых младших, играет первым или вторым номером, а Дмитрий Кабалев-

<sup>1</sup> Лариса Павловна Чегодаева, жена Д.Б. Кабалевского.

ский, как один из самых старших, – последним. Кстати, Нора Чегодаева, старшая сестра Ляли, тоже училась у В.В. Чертовой и играла на тех же концертах.

Тогда же Дмитрий Борисович работал в том же техникуме сперва секретарем, а потом управделами, и, по рассказам мамы, его рабочий стол стоял в конце длинного коридора (строго говоря, это ей этот коридор тогда казался длинным). Мама говорила: “Вот ты идешь по этому коридору, а он услышит твои шаги, поднимет голову, ждет, пока ты подойдешь, и заранее улыбается”.

Потом пути Дмитрия Кабалевского и Ларисы (Ляли) Чегодаевой на долгие годы разошлись и встретились они снова только в 1937 году, каждый имея за плечами неудачный опыт недолгой семейной жизни. У папы уже рос сын Юрик, мой старший брат. По воспоминаниям мамы, первый разговор родителей закончился восклицаниями: “– Что? Замуж? – Жениться? – Да никогда!!! ...”

Тем не менее, опять же по воспоминаниям мамы, они поженились через несколько месяцев – 29 ноября 1937 года, и, как говорится, ни разу об этом не пожалели. Именно в то время папа заканчивал увертюру к опере “Кола Брюньон”, и тот заряд оптимизма, счастья и подсознательной боязни это счастье потерять (вспомните тему последней встречи Кола и Ласочки!) в комментариях не нуждаются.

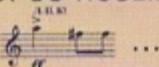
По состоянию здоровья мама не работала, но она стала тем “тылом”, той опорой, которая позволяла папе целиком и полностью погружаться в работу, в творчество. Несмотря на то, что многие годы у папы была помощница, все дни напролет печатавшая сотни ответов на присланные письма, особенно в бытность папы депутатом Верховного Совета СССР, “барышней на телефоне” была мама, ежеутренне получавшая указания, для кого сегодня папы нет, а для кого – “срочно позвать”.

Доходило до смешного. Вот разговор: “– Можно Дмитрия Борисовича? – Его нет дома. – А когда он будет? – Я точно не знаю. – А где он сейчас? – За городом, на даче. – Там есть телефон? – Нет. – А когда Дмитрий Борисович будет дома? – Не знаю. – А кто это говорит? – Его домработница!..”

Через несколько дней звонивший встречает папу: “Я Вам звонил, Вас не было. У Вашей домработницы такой интеллигентный голос!”

Жить с папой было сложно, я это видела сама. В дверь то и дело звонили, приходили ученики (папа всегда занимался дома), сотрудники, приходили совершенно незнакомые люди о чем-то просить, на что-то пожаловаться. В порядке вещей было появление в дверях целого класса музыкальной школы во главе с учителем, пионерского звена во главе с вожатым. Телефон не замолкал вообще никогда. Поскольку в те давние времена телефоны не имели кнопочки для отключения звонков, у нас было некое приспособление, не совсем, прямо скажем, законное, которое при включении в розетку вместо телефона создава-

ло у звонившего иллюзию, что на другом конце провода просто не берут трубку. В шестидесятые-семидесятые годы, по мере усложнения телефонной аппаратуры, телефон стало просто физически заедать на АТС, он не разъединялся после последнего звонка, и мама, имевшая соответствующие инструкции от моей подруги-инженера АТС с Петровки, звонила от соседей и произносила некие слова, после которых инженеры уже на нашей, Миусской АТС, вручную приводили наш номер в рабочее состояние.

Квартира у родителей была большая, и каждый раз бегать из комнаты в комнату, чтобы что-то друг другу сказать, было весьма утомительно физически. И если мама просто стучала папе в стену кабинета, то папа звал ее позывными, которые “расшифровывались” как “Ля-люш-ка – иди – сюда”:  ...

Разумеется, что при таком сумасшедшем ритме жизни жесткий “фильтр” был просто необходим, и этим фильтром была мама. Именно она принимала на себя первую волну приходящих и звонящих, именно она объясняла, почему Дмитрий Борисович не может сделать то-то и то-то, попросить за кого-то, составить протекцию и так далее. Многие не хотели понимать, что все это всегда делалось только с ведома папы и только так, как он хотел. Никакой “самодеятельности”, никаких “вариаций на тему”. Через маму никогда нельзя было влиять на папины решения, и, хотя советовался он с ней очень часто, это не касалось принципиальных вопросов. Поскольку авторитет и прямо-таки магическое действие фамилии Кабалевского были невероятно высоки и все понимали, что стоит ему только заикнуться – и всё (!), можно себе представить, сколько людей считали папу “подкаблучником”.

Даже мне нередко говорили, встретив во дворе дома или на концерте, что-нибудь, вроде “передай маме, что она напрасно так отгораживает папу от меня...” Да собственно, и я сама нажила не одного врага, после того, как через меня пытались получить квартиру, прописку, работу. Даже ближайшие родственники не всегда могли отделять папины решения от передачи их мамой, и иногда проскальзывали слова о том, что мама не любит гостей, не любит людей в доме... Да они просто не видели того сумасшествия, в котором мы жили!

Уезжая из Москвы, папа каждый день писал маме письма с подробным отчетом о том, что произошло за день. Иногда даже по два письма в день, если эмоции захлестывали, что очень часто случалось после репетиций. И мама отвечала ему тем же. Каждое письмо начиналось словами “Любимая моя Лялюшка”, “Дорогой Димушка” – и столько бездонной любви в этих обращениях...

Когда папы не стало, мама не захотела без него жить и ушла из жизни без борьбы, меньше, чем через год.

*Мария Кабалевская*